

в Москве в том же 1667 г., записка о «второй» казни Лазаря, Федора, Елифания в Пустозерске в 1670 г. и об исцелениях казненных (почти идентичная тексту Жития), записка о том, как постились пустозерские узники в 1671 г.; отметим, что некоторые из записок находятся в Пустозерском сборнике, рядом с автографом Жития (в частности, записка о посте).⁶

Записки Аввакума — особый тип повествования, возникший в силу тяготения старообрядческой литературы к документальности. Записки Аввакума о казнях и увещаниях по структуре напоминают ранний христианский мартирий, а по стилю — летописные записи: сообщаются точные даты, называются имена, последовательно описываются сами события. Например: «Июля в 5 день привезли в ночи от Николы с Угреши, и приезжали 3 архимарита дважды уговаривать. И во 8 день пригезждал (так!) в ночи Дементей Башмаков, уговаривати же» (стр. 703); или: «179-го году в великий пост протопоп Аввакум да поп Лазарь пищи не принимали» (стр. 719). Тот же тип изложения событий встречаем в записке «очевидца» о Пустозерской казни, частично использовавшего текст записки Аввакума: «178-го году, апреля в 14 день, на Фомины недели, в четверг, в Пустозерском остроге, по указу цареву, полуголова Иван Елагин взял ис тюрем. . .» (стр. 713). Цель этих записок — документально свидетельствовать о происшедших событиях, о жестокости «никониан» и мучениях приверженцев «старой веры». Отсюда точность, физиологический натурализм описаний: «Привели в тюрьму, и я, протопоп, щупал и гладил во рте: и не болит, и ныне гладко, и струпу не было. . .» (стр. 715). Такую же строгую документальность стиля обнаруживаем и в повествовании Жития о казнях, где эти отрывки выполняют подобную функцию — функцию свидетельства очевидца: «Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла. . . Посем взяли солоньего пустынника, инока схимника, Елифания старца, и язык вырезали весь же. . . Посем взяли дьякона Феодора, язык вырезали весь же, оставили кусочик небольшой во рте, в горле накость резан. . .» (стр. 63—64).

Документальность автобиографических записок Аввакума находит многочисленные соответствия в старообрядческой литературе записок, челобитных, «прений». Самая яркая параллель к аввакумовским текстам — «Вопрос и ответ» инока Авраамия (1670 г.), где богословский спор с властями («прение») обрамлен автобиографическим повествованием о заключении инока Авраамия под стражу и об учиненных допросах.⁷

Автобиографизм этой части старообрядческой литературы преследовал не только эмоциональную цель — вызвать сочувствие,⁸ но и цель историографическую: автор был очевидцем событий, мог точно зафиксировать происшедшее. Документальность автобиографических записок Аввакума и других деятелей старообрядчества — проявление своеобразного историзма этой литературы, и в стилистическом строе этих сочинений явно выступают черты летописного способа изложения (отрывки, приведенные

⁶ Записки изданы в кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. 39), стр. 701—722 (далее страницы этого издания указываются в скобках в тексте). Цель настоящей заметки — лишь охарактеризовать этот вид автобиографического повествования Аввакума; вопрос о соотношении текста записок и Жития рассматривается в другой, подготавливаемой мною работе.

⁷ См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Н. И. Субботина Т. VII. М., 1885, стр. 386—416. См. также и другие подобные тексты, в частности «Прение верного инока с отступником» (издано мной, см.: ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 281—289) и письмо неизвестного старообрядца из заточения (1685 г.) (издано мной, см.: ТОДРА, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 481—483).

⁸ Serge A. Z e n k o v s k y. Der Mönch Epifanij. . ., стр. 290.